

ПРОБЛЕМА ИДЕАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО 1860-х ГОДОВ. (Роман «Идиот»)

«Идиот» — роман, в котором Достоевский пытался воплотить свое понимание идеала. Так или иначе писатель решал проблему «положительно прекрасного» всю свою жизнь, но в конце 60-х гг. в произведении, завершающем яркое и непростое в истории России десятилетие, стремление к воплощению идеала заставило Достоевского взяться за создание образа идеального человека. Князь Мышкин стал одним из самых обаятельных и загадочных героев в творчестве писателя. Возможно, попытка рассмотреть то, как понимал Достоевский проблему идеала в 60-е гг. раскроет еще одну грань в понимании образа его любимого героя.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) проблема идеала непосредственно связана с русской идеей Достоевского. Герой «Заметок» приезжает в Европу как в «землю обетованную», как «в страну святых чудес» (5; 47) и не находит там истинного идеала, не находит «братства», ибо его, по мнению героя-повествователя, нет и не может быть в общественном устройении Запада, так как его нет в природе западного человека. В главе VI, «Опыт о буржуа», писатель высказывает свои заветные мысли об истинном идеале: «... в братстве, в настоящем братстве, не отдельная личность, не Я, должна хлопотать о праве своей равноценности и равновесности со всем *остальным*, а все-то это *остальное* должно бы было само прийти к этой требующей права личности, к этому отдельному Я, и само, без его просьбы должно бы было признать его равноценным и равноправным себе, то есть всему *остальному*, что есть на свете. Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое Я, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротив, отдать его обществу без всяких условий» (5; 79). По мысли самого писателя, бескорыстное добровольное самопожертвование во имя других и есть свидетельство самого сильного развития личности: «Это закон природы; к этому тянет нормально человека» (5; 79)¹. Но при этом необходимым условием существования этой идеально развитой личности является высочайший уровень развития общества, идеальное мироустройство, единственной целью которого является счастье данной личности, неприкосновенность индивидуума: «Любите друг друга, и все сие вам приложится» (5; 80). Заканчивается, однако, это рассуждение следующей ремаркой: «Эка ведь

в самом деле утопия, господа! Все основано на чувстве, на натуре, а не на разуме. Ведь это даже как будто унижение для разума. Как вы думаете? Утопия это или нет?» (5; 80).

В «Записках из подполья» (1864) и в известной записи от 16 апреля 1864 года проблема идеала оказывается шире только национального вопроса, решаемого в оппозиции «Запад-Россия». Подпольный герой «Записок» бунтует не только против разумного устройства мировой гармонии человеком, но и против самой возможности осуществления некоего идеала. Личность, и более того, сама природа человека препятствует достижению идеала, ибо идеал — это вершина, достигнутая цель, конец развития, то есть смерть: «И, кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать — в самой жизни, а не собственно в цели, которая, разумеется, должна быть не иное что, как дважды два четыре, то есть формула, а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти» (5; 118–119).

Эта же мысль звучит в записи Достоевского от 16 апреля 1864 года («Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?»): «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, — невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» (20; 172). Достоевский ставит вопрос о будущем человека, природа которого оказывается несостоятельной перед высотой достигаемого идеала. Достижение цели — это смерть для человека. Ибо в самой природе его заложена борьба противоположных начал. Достижение духовного идеала означает отказ от человеческой природы, от земного существования, от того, что во многом и составляет «я» индивидуума. И это уже не человек. Без будущей райской жизни (после смерти) весь путь к идеалу теряет смысл. «Следственно, есть будущая, райская жизнь. Какая она, где она, на какой планете, в каком центре, в окончательном ли центре, то есть в лоне всеобщего синтеза, то есть Бога? — мы не знаем» (20; 173). Христом предсказана одна лишь черта: «Не женятся и не посягают, а живут, как ангелы божи» (там же). А это значит, что нет истории и нет смены поколений, нет семьи, которая одновременно и служит достижению цели и является величайшим оттолкновением от гуманизма («мало остается для всех»). Попытка соединить идеал гуманизма и христианский идеал приводит к кризису идеи идеала в целом.

В полной мере этот кризис воплотился в последнем произведении Достоевского 60-х г. г. — романе «Идиот» (1869). Князь Мышкин, по замыслу автора, идеал «положительно прекрасного человека»

(28, II; 251), личность, которая уже достигла высочайшего уровня развития, то есть готова отдать себя «целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно» (20; 172). Но, завершая работу над романом, Достоевский записал: «Действительность выше всего» (9; 276). «И вот идея „Идиота“ почти лопнула» (28, II; 321). Роман «не выразил и 10-ой доли того, что я хотел выразить» (29, I; 10). Последняя фраза романа: «И если бы сам Шнейдер явился теперь из Швейцарии взглянуть на своего бывшего ученика и пациента, то и он, припомнив то состояние, в котором бывал иногда князь в первый год лечения своего в Швейцарии, махнул бы теперь рукой и сказал бы, как тогда: „Идиот!“» (8; 507). Князь Мышкин остался верен до конца идее спасения и воскрешения человека, но эта идея привела его к «мраку и тупости идиотизма». Попытка осуществить и соединить христианский и гуманистический идеал в образе героя терпит крах в романе, что влечет за собой печальные выводы о мире и человеке. Таким образом, роман «Идиот» стал своеобразным ответом 60-х гг. на вопрос о том, каков мир и каков человек, трагическим разрешением проблемы идеала, в свете которого вся история и будущность человечества обрели трагические тона.

Проблема идеала для Достоевского всегда была связана с образом Христа. В уже упоминавшемся письме С. А. Ивановой от 13 января 1868 г. Достоевский писал: «Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо. (Все Евангелие Иоанна в этом смысле; он все чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного)» (28, II; 251). На полях подготовительных материалов к роману неоднократно возникает пометка «князь-Христос». Образ князя Мышкина оказывается непосредственно соотнесен с образом Христа. И здесь очень важно рассмотреть, каким явлен этот образ в романе «Идиот». Б. Н. Тихомиров пишет: «Впервые „проблема Христа“ именно как *проблема*, и прежде всего в связи с обстоятельствами крестной смерти Богочеловека Иисуса, в творчестве Достоевского ставится на страницах романа „Идиот“, своеобразным религиозно-философским „фокусом“ которого является образ „Мертвого Христа“ на одноименной картине Ганса Гольбейна Младшего (копия с которой висит в доме Рогожина) — образ, стягивающий к себе все другие образы произведения»². Образ «Мертвого Христа» дан в романе в нескольких интерпретациях. Так в ответ на реплику Рогожина о том, что он любит смотреть на эту картину, князь Мышкин воскликнет: «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!». И Рогожин согласится: «Пропадает и то» (8; 182).

Развернутую интерпретацию картины дает в известном «объяснении» Ипполит Терентьев: «...это в полном виде труп человека, вынесшего

бесконечные муки еще до креста, раны, истязания, битье от стражи, битье от народа, когда он нес на себе крест и упал под крестом, и, наконец, крестную муку в продолжении шести часов <...> тут одна природа, и воистину таков и должен быть труп человека, кто бы он ни был, после таких мук <...> Природа мерещится при взгляде на эту картину в виде какого-то огромного, неумолимого и немого зверя, или, вернее, гораздо вернее сказать, хоть и странно — в виде какой-нибудь громадной машины новейшего устройства, которая бессмысленно захватила, раздробила и поглотила в себя, глухо и бесчувственно, великое и бесценное существо — такое существо, которое одно стоило всей природы и всех законов ее, всей земли, которая и создавалась-то, может быть, единственно для одного только появления этого существа!» (8; 338–339).

Образ Христа в данном контексте снижается до образа идеального человека (исследователи неоднократно отмечали связь образа Христа в романе с книгой Ренана «Жизнь Иисуса»³). Образ «Мертвого Христа» Гольбейна воплощает в романе неверие героев в бессмертие, неверие в Бога. Тема смерти пронизывает весь роман. Мировой закон в «Идиоте» предстает в образах гильотины, «машины новейшего устройства», которая безжалостно перемалывает человеческие судьбы. Человек в романе оказывается «приговоренным к смерти» (разговор князя с камердинером и семейством Епанчиных в I части, история графини Дюбарри, судьба Настасьи Филипповны и Ипполита и т. д.). Тема Апокалипсиса, который трактует Лебедев («профессор антихриста»), выводит проблему смерти на глобальный уровень истории человечества. Но так же, как в словах Ипполита о картине Гольбейна нет мысли о воскресении Христа, о победе над смертью, так и в трактовке Лебедева нет веры в жизнь вечную, есть только смерть: «Согласилась со мной, что мы при третьем коне, вороном, и при всаднике, имеющем меру в руке своей, так как все в нынешний век на мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут: „мера пшеницы за динарий и три меры ячменя за динарий“... да еще дух свободный и сердце чистое, и тело здоровое, и все дары Божии при этом хотят сохранить. Но на едином праве не сохраняют, и за сим последует конь бледный и тот, коему имя Смерть, а за ним уже ад...» (8; 167–168).

Человек в его земном, «переходном» состоянии окажется в романе главной, непреходящей ценностью. И ужас смерти, ужас гибели приговоренных, которых нельзя спасти, повергнет в безумие главного героя. Противоречие между конечным и вечным, между земным и небесным, между человеческим и божеским, между действительным и идеальным, между природой и Сущим приведет к внутренне неразрешимому конфликту, который в коллизии романа завершится гибелью героини и безумием героя. Разные стороны этого противоречия последовательно

воплощаются в романе на всех уровнях поэтики произведения: в эволюции образа главного героя, в сюжете, в системе образов, в эволюции образа автора-повествователя. Князь Мышкин, оставаясь верен гуманистическим принципам («Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» (8; 192)), как бы невольно подменяет Бога человеком. Не случайно Аглая на знамени Рыцаря Бедного — Мышкина начертает инициалы Настасьи Филипповны, в то время, как у Пушкина — имя Матери Божьей. Невольная подмена идеала приводит к подмене ценностей и перевертышам. Так герой берет на себя благородное дело воскрешения ближнего, спасения Красоты, а оказывается соучастником ужасного преступления; в болезни плоти и духа он открывает для себя мгновения «высшего бытия», а в действительности они оборачиваются «мраком и тупостью идиотизма»; бесконечное сострадание героя оказывается унижительным и губительным для человека, а вера в него обманчивой; смирение его таит в себе гордыню, а идея спасения оказывается искушением. Герою не дано принять жизнь такой, какая она есть. Но и изменить ее ему не по силам. Сам князь в какой-то момент начинает понимать весь ужас ситуации (чувство бессознательной вины в V главе второй части, мотив двойных мыслей, желание сбежать в XI главе второй части), но изменить идею, которая является стержнем его личности, герой не может, даже если эта идея ведет к безумию: «...ему ужасно вдруг захотелось оставить все это здесь, а самому уехать назад, откуда приехал, куда-нибудь подальше, в глушь, уехать сейчас же и даже ни с кем не простившись. Он предчувствовал, что если только останется здесь хоть еще на несколько дней, то непременно втянется в этот мир безвозвратно, и этот же мир и выпадет ему впредь на долю. Но он не рассуждал и десяти минут и тотчас решил, что бежать „невозможно“, что это будет почти малодушие, что пред ним стоят теперь такие задачи, что не разрешить или, по крайней мере, не употребить всех сил к разрешению их он не имеет теперь никакого даже и права. <...> Он был вполне несчастен в эту минуту» (8; 256).

Безумие князя, его в конечном итоге отторгнутость и от земли и от неба — трагическое свидетельство несостоятельности гуманистического идеала, ибо многое из того лучшего, что есть в человеке, может оборачиваться против него. Любовь к ближнему, сострадание, доброта без веры в Бога оказываются опасными для человека, восстанавливают его против Бога. В записных тетрадях 1880–1881 г. Достоевский запишет: «Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всем заблудимся <...> Совесть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного» (27; 56, 85). В «Поэме о Великом инквизиторе» в «Братьях Карамазовых» (1880) Достоевский окончательно развеет гуманистический

и христианский идеал. Идеал гуманизма воплотится в системе Великого Инквизитора, за Христом останется «от века вечный идеал», стремление к которому, по Достоевскому, и составляет смысл истории и судьбы человека, воистину достойного такой судьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта же мысль прозвучит у Достоевского в записи 1864 г. и в наброске «Социализм и христианство»; см.: 20; 172–175, 191–194.

² Тихомиров Б. Н. О «христологии» Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11. С. 112.

³ См.: Кийко Е. И. Достоевский и Ренан // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4; комментарий к роману в 9-м томе ПСС и др.